

**ИСТОРИЯ
МОЕЙ ЖИЗНИ**

**Я — ГРЕЙС
КЕЛЛИ**

История моей жизни

Я – Грейс Келли

«АСТ»

2014

Я – Грейс Келли / «АСТ», 2014 — (История моей жизни)

Грейс Келли: женщина-мечта, женщина-легенда, женщина-сказка. Грейс (Grace) на английском – это и «грация», и «милость», и «достоинство», и даже обращение к герцогам (Your Grace – ваша светлость). Как тут не поверить в предопределение? Она безо всякой протекции стала звездой Голливуда, а потом взошла на трон Монако и словно мановением волшебной палочки превратила маленькое княжество в процветающее и богатое государство. Как тут не поверить в волшебство? Вокруг нее создано столько мифов, что хватило бы на сотню голливудских актрис и европейских принцесс. Где же правда? Какой она была на самом деле? Наверное, это каждый должен решить сам. Благо, жизнь Грейс – открытая книга. Она никогда не отказывалась от своего прошлого и не скрывала ни хороших своих поступков, ни дурных.

, 2014

© АСТ, 2014

Я – Грейс Келли

Составитель Е. Мишаненкова

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Грейс Патриция Келли родилась 12 ноября 1929 года в Филадельфии в семье богатого промышленника, в прошлом трехкратного олимпийского чемпиона, Джека Келли и его красавицы-супруги Маргарет (в девичестве Майер), тренировавшей женскую команду по плаванию Пенсильванского университета.

Биографы и обычные сплетники создали такое количество легенд вокруг супругов Келли и их дочери, что теперь уже нелегко бывает отделить правду от вымысла. А когда это все-таки удастся, то с удивлением понимаешь, что реальная история этой семьи настолько необычна и удивительна, что рядом с ней меркнут любые выдумки.

Впрочем, к созданию этих легенд в немалой степени приложил руку и сам Джек Келли. Не зря журналисты любят рассказывать о том, как он, десятый сын бедных ирландских эмигрантов, благодаря упорному труду и собственным талантам осуществил «американскую мечту» – много работал простым каменщиком и в конце концов стал миллионером.

С одной стороны, все это – чистая правда. С другой – откровенная ложь. Все зависит от того, как эту историю рассматривать.

Да, родители Джека Келли, Джон Генри Келли и Мэри Анна Костелло, на самом деле приехали в Америку из Ирландии в поисках лучшей доли, он в 1869 году, а она в 1867-м. И у них действительно родилось десять детей, одним из которых был Джон Брендан Келли, появившийся на свет в 1889 году и обычно именуемый просто «Джек». Но вот дальше начинаются расхождения с официальной легендой.

Несмотря на десяток детей, дед Грейс Келли вовсе не бедствовал.

Миллионером он не был, но благодаря хорошей деловой хватке и немалой доле удачи сумел сколотить небольшое состояние на торговле страховками и помог двум своим сыновьям,

Патрику и Чарльзу, основать собственный строительный бизнес. Именно в их фирме и начал свою трудовую деятельность будущий промышленник Джек Келли.

Спору нет, он не был белоручкой, не родился с серебряной ложкой во рту и на самом деле сразу после школы пошел работать каменщиком-подмастерьем. Но не от безысходности, а потому что считал этот путь более подходящим для себя, чем что-либо другое, и не где-нибудь у злобных хозяев-капиталистов, а у родных братьев, которые не особо его перегружали. А два других брата, Джордж и Уолтер, потом, когда он решил отделиться и открыть собственное дело, одолжили ему на это семь тысяч долларов – немалые по тем временам деньги.

Кстати, Джордж, ставший известным драматургом, впоследствии любил посмеиваться над несколько пафосной легендой Джека о том, как он выбился из грязи в князи. Он утверждал, что мозоли, о которых так любил говорить его младший брат, были вовсе не от тяжелого труда, а от того, что он все свободное время проводил на реке, занимаясь своей обожаемой греблей.

Пусть горе, слезы, потери — они даже придают оттенок благородства, терпения... Но злоба завистливая! Она проклятая, как тьма в глазах, обесцвечивает все вокруг. А женщину она старит, уродует, иссушает.

Гребля занимала в жизни Джека одно из первых мест и повлияла на всю его жизнь и жизнь его детей.

Он вообще был отличным спортсменом. Во время Первой мировой войны служил в армии (откуда потом демобилизовался в чине лейтенанта) и был известен как не знающий поражений боксер-тяжеловес. В 1919–1920 годах он в составе Холмсбургского спортивного клуба выигрывал Филадельфийский городской чемпионат по футболу.

Но главное место в жизни молодого Джека Келли занимала гребля. К 1920 году он был уже шестикратным чемпионом США и метил гораздо выше – его мечтой было померяться силами с самыми знаменитыми гребцами мира в Королевской регате Хенли.

Джек Келли послал заявку на участие в регате, но британские снобы ответили ему отказом, сообщив, что простонародью, занимающемуся физическим трудом, запрещено участвовать в Королевской регате. «Бриллиантовые весла» – награда, присуждаемая победителю Королевской регаты среди одиночников, так и остались для него недостижимой мечтой.

В 1920 году он решил взять реванш другим способом и отправился в Антверпен на Олимпийские игры, которые с блеском выиграл в состязании одиночников и на двойках. Семейная легенда Келли гласит, что после победы Джек упаковал свою кепку, в которой он выиграл золото, и отправил ее по почте английскому королю Георгу V с запиской: «Привет от каменщика».

Никогда не брать от жизни все, ничего не отдавая взамен. Все должно быть заработано благодаря упорному труду, настойчивости и честности.

Девиз Джека Келли

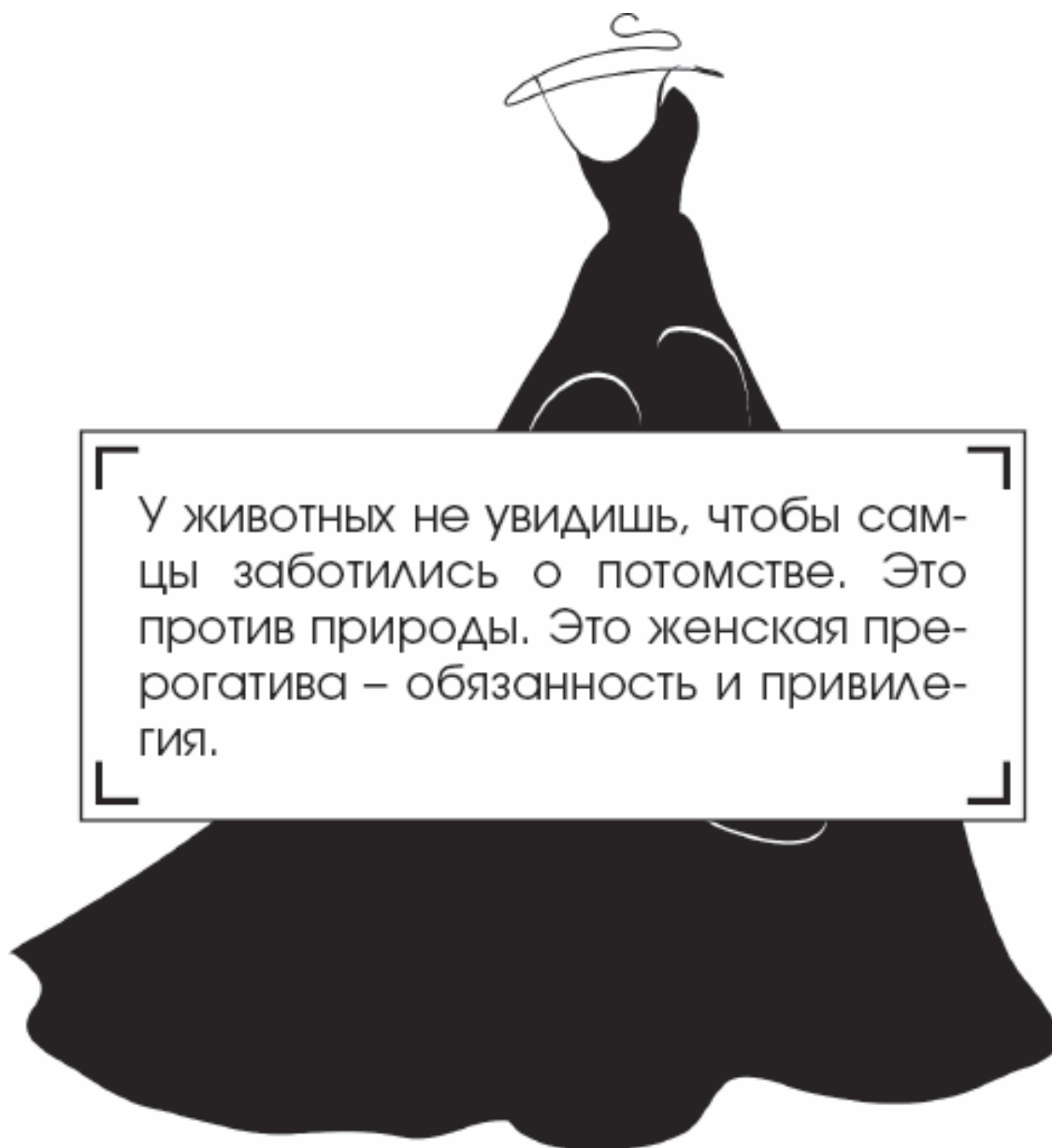
Джек относился к Голливуду с подозрением и пренебрежением, хотя два его брата и сестра выбрали именно актерскую профессию.

Сестра звалась Грейс, она рано умерла, но, вероятно, в честь нее Джек и назвал свою младшую дочь. Что же касается братьев, то старший – Уолтер – был комедийным актером и сделал неплохую карьеру на сцене и в кино, пусть и несравнимую, конечно, с карьерой его блистательной племянницы. В 1919 году он уже был достаточно успешным актером, поэтому именно он одолжил Джеку пять тысяч долларов на открытие бизнеса.

Еще две тысячи дал другой брат – Джордж, который был всего на два года старше Джека и еще только-только начинал приобретать известность. Он поначалу тоже был актером, как Уолтер, а в 1923 году написал пьесу, которая имела успех и вдохновила его на дальнейшую работу. В 1926 году он был уже знаменитым драматургом, а его пьеса «Жена Крейга» получила Пулитцеровскую премию как лучшая драма года.

Вероятно, именно благодаря ему Грейс задумалась о том, чтобы стать актрисой. Он показал ей мир, где деньги можно зарабатывать не только строительством, как отец, но и словами, образами, игрой, лицедейством. К тому же именно у него она переняла речь, походку, манеры,

да и весь свой сдержанно-аристократический стиль поведения. Джордж учил племянника и племянниц правильно говорить, читал им стихи и вообще был для них тем образцом джентльмена, которого рады принять в любом хорошем доме.

У животных не увидишь, чтобы самцы заботились о потомстве. Это против природы. Это женская привилегия – обязанность и привилегия.

Джек Келли безраздельно царил в трехэтажном каменном особняке № 3901 по Генри-авеню, построенном им для своей семьи в самом престижном квартале Филадельфии Ист-Фоллз.

Ему нипочем были банковский кризис и Великая депрессия. Он не доверял банкам, поэтому почти ничего не потерял. В то время как его соседи один за другим разорялись, Джек мог позволить себе держать шофера, секретаря, повара и нескольких горничных. А когда к власти пришел Рузвельт, в партии которого у Джека было немало друзей, его дела и вовсе пошли прекрасно. Он умел нравиться людям и умел использовать связи. Но при этом даже недоброжелатели не могли обвинить его в коррупции – он разбогател на правительственных заказах, но работы его компания всегда выполняла безукоризненно. Да и в благотворительности он активно участвовал, и, будучи рьяным католиком, строил церкви по себестоимости, ничего на этом не зарабатывая.

Любопытная деталь – Джек Келли послужил прототипом бизнесмена Джорджа Китриджа в пьесе Филиппа Барри «Филадельфийская история». По этой пьесе в 1940 году был поставлен знаменитый фильм с таким же названием и множеством звезд в главных ролях. А в 1956 году пьесу экранизировали еще раз уже в виде мюзикла под названием «Высшее общество», и главную женскую роль там исполняла Грейс Келли. Вот так своеобразно круг замкнулся – Грейс сыграла невесту персонажа, списанного с ее собственного отца.

Неудивительно, что такой идеальный гражданин, как Джек Келли, со временем стал еще и политиком.

Его избрали в городской совет, и он даже стал лидером местного отделения демократической партии. Правда, стать мэром ему не удалось, Филадельфия всегда была республиканским городом, и демократам там было не на что надеяться. Но возможно, он не слишком к этому и стремился – для человека, который не собирается делать большую политическую карьеру, такая работа приносила больше хлопот, чем выгод.

К тому же была у Джека Келли одна слабость, которая сильно повредила бы ему, выбери он политическую карьеру. Дело в том, что он был большим любителем женщин. Он был хорош собой, его прекрасной фигурой восторгались даже газетчики – естественно, он очень нравился женщинам. И они ему тоже нравились. Еще одна их популярная семейная легенда гласит, что однажды Джек к какому-то празднику купил двадцать семь одинаковых косметических наборов и разослал их по двадцати семи разным дамам.

Ну а жена... закрывала на это глаза, поскольку семью Джек бросать не собирался, деньгами не сорил, да и вообще у него, как у главы семьи, не было других недостатков. К тому же Маргарет Келли была не из тех женщин, которые безумно ревнуют мужей и устраивают скандалы. Она требовала к себе уважения и получала его от супруга сполна. Ее никогда не раздирали бурные страсти. Вероятно, такое несходство характеров и сделало их такой крепкой, можно даже сказать, идеальной парой.

Маргарет Кэтрин Келли, в девичестве Майер, была американкой в первом поколении, как и ее муж.

Она родилась в Германии, в провинции Баден-Вюртемберг, в декабре 1898 года. Ее родители – Карл и Маргарет Майер – приехали в Филадельфию вскоре после рождения дочери.

С Джеком Келли они впервые встретилась еще в 1913 году на соревнованиях по плаванию. Но тогда она была еще слишком молода для романа. И уж тем более Маргарет не пошла бы замуж за парня без особых достижений и перспектив.

Совсем другое дело – олимпийский чемпион и владелец собственной пусть пока и небольшой компании. Но и тогда Маргарет особо не торопилась. Она хотела получить образование и училась в Темпльском университете по специальности «преподаватель физического воспитания». Во время учебы она немного подрабатывала фотомodelью и вполне могла бы стать профессиональной манекенщицей.

В 1921 году она окончила университет, получила степень бакалавра и устроилась на работу в медицинский колледж Пенсильванского университета – вести физкультуру у девушек. Кроме того, она стала первым в истории колледжа тренером женской спортивной команды.

Под ее руководством была создана женская баскетбольная сборная, которая уже за первый год провела восемь успешных матчей с командами других университетов. На следующий год появились сборные еще по нескольким видам спорта, а потом Маргарет начала кампанию по сбору средств на строительство теннисного корта.

Я была мечтательным ребенком с богатым воображением. Я никогда не доставляла неприятностей своей матери. Обычно я была где-то рядом с ней, в уголке, разговаривая сама с собой и играя в свои игры. Мои дети ведут себя так же. Они, обыкновенно, играют возле меня. Я даже не прислушиваюсь к ним, но знаю, что они рядом. Для меня это, как фоновое музыкальное сопровождение.

В 1924 году Маргарет покинула работу, поскольку наконец согласилась выйти замуж за Джека Келли.

Перед свадьбой она перешла в католичество, ведь она ничего не делала наполовину, но хорошей католичкой это ее не сделало, она никогда не упускала случая съязвить по поводу каких-нибудь церковных догм, казавшихся ей смешными или глупыми.

Дети Джека и Маргарет дружно вспоминали, что у их матери был железный характер и вообще она была женщиной властной, суровой и требовательной. Сын даже потихоньку называл ее «моя прусская матушка», а знакомые также потихоньку «леди-босс». Особой любовью детей она никогда не пользовалась, но они ее уважали и слушались, что ее вполне устраивало. Она строго требовала от всех выполнения их обязанностей и тщательно выполняла свои.

Первого ребенка Маргарет родила через год после свадьбы – в 1925 году. Это оказалась девочка, которая получила имя в честь матери – Маргарет Кэтрин. Впрочем, звали ее все Пегги, под таким именем она и фигурирует во всех книгах, посвященных биографии ее младшей сестры. Вслед за Пегги в 1927 году на свет появился Джон Брендан-младший, прозванный Келлом. И наконец 12 ноября 1929 года родилась Грейс Патриция Келли. Почти четыре года она была младшим ребенком в семье, однако в 1933 году их семью ждало последнее пополнение – Элизабет Энн, которую в семье обычно именовали Лизанной.

Маргарет управляла семьей железной рукой, и все дети ей безоговорочно подчинялись.

Да и муж старался лишний раз не возражать, передав все домашние дела под ее руководство. Она умела сочетать полное соблюдение внешних приличий с жесткой экономией.

Она сама стригла дочерей и одевала их в приличные и практичные платья, которые потом, по мере того, как девочки росли, переходили от старших к младшим. С самого детства она учила их домоводству и всякому женскому рукоделию. Пегги впоследствии вспоминала, что они никогда не сидели без дела, в руках всегда должно было быть какое-нибудь рукоделие. «С трех или четырех лет мы были обязаны работать спицами или крючком», – говорила она и добавляла, что это естественно для немецких девочек, а мать их именно так и воспитывала – как было принято в Германии.

К порядку дети приучались жесткими мерами – за мелкую провинность могли получить оплеуху, а за то, что, например, бросили одежду, а не повесили ее аккуратно в шкаф, их штрафовали, вычитая деньги из суммы, выдаваемой на карманные расходы.

Выйдя замуж, Маргарет покинула работу, но заниматься общественной деятельностью не перестала и временами привлекала к ней детей. Так, например, собирая пожертвования для колледжа, она устраивала благотворительные показы мод с участием своих дочерей и цирковые представления, где Пегги изображала жонглера, Келл – силача, а Грейс – канатную плясуню.

Было бы очень грустно, если бы у детей не оставалось никаких более ранних воспоминаний, а только те, что связаны со школой. Больше всего детям необходимы любовь и забота их матери.

Семья Келли со стороны производила впечатление идеальной.

Но на самом деле как не были такими уж прекрасными отношения между Джеком и Маргарет, так и взаимоотношения детей с родителями и друг с другом тоже были далеки от идеала. Племянник Джека Келли, Чарльз, как-то сказал, что никто из Келли не может создать нормальную семью, потому что они умеют только подчинять.

Как это обычно бывает в семьях, где детей воспитывает суровая мать, а обаятельный отец занят своими делами и лишь иногда удостаивает отпрысков вниманием, Пегги, Келл, Грейс и Лизанна обожали отца, а мать только слушались. Джек Келли был для них кумиром, их солнцем, образцом для подражания и последней инстанцией в любых вопросах. Они постоянно соперничали за его любовь и изо всех сил старались привлечь его внимание.

Способы они для этого выбирали разные, но если смотреть в целом, то картина получается такая.

Пегги – любимица отца, единственная, кому не приходилось бороться за его любовь, он ее и так обожал.

Келл – единственный сын, наследник фамилии и продолжатель отцовского дела, именно он должен был воплотить в жизнь то, чего не удалось добиться самому Джеку Келли, и с самого детства он прикладывал к этому все усилия.

Грейс – самая слабенькая из детей, ребенок, которому всегда были нужны забота и защита.

Лизанна – младшенькая, и этим все сказано, ее баловали больше других, как обычно балуют младших.

Отец всегда любил старшую из нас. А потом еще мальчишку, единственного сына. А потом появилась я, а вслед за мной – моя младшая сестра. Я ужасно ее ревновала.

Тяжелее всех приходилось Келлу – на нем с детства лежало тяжелое бремя продолжателя отцовского дела.

Джек Келли так и не забыл пережитого унижения, когда ему было отказано в участии в Королевской регате. «Бриллиантовые весла» так и остались для него несбыточной мечтой.

Поэтому Келл рос с убеждением, что победа в Королевской регате – это его священная миссия, только осуществив ее, он станет достойным своего великого отца. Он тренировался чуть ли не с младенчества – сначала был у отца пассажиром, потом рулевым, потом греб с ним в паре и наконец перешел к одиночной гребле.

Многим друзьям и родственникам Джека Келли казалось, что он несколько перегибает в стремлении сделать из сына второго себя. Некоторые даже пытались сказать ему это, но все было бесполезно – он привык всегда добиваться своей цели. И он добился – Келл дважды выиграл «Бриллиантовые весла»: в 1947 и 1949 годах.

А получил ли он то, что хотел – любовь и признание отца? В какой-то степени, вероятно, да, ведь Джек Келли был на самом деле счастлив, что сын осуществил его мечту. Вот только когда у Келла родилась дочь, отец (видимо из самых лучших побуждений, желая утешить его, ведь он хотел сына) сказал: «Не бери в голову, сынок. Моей главной радостью в жизни всегда была Пегги».

Можно только догадываться, как себя в тот момент чувствовал Келл, всю жизнь положивший на алтарь отцовских амбиций и мечтаний.

Мужчина по природе своей ленив.
Если бы все женщины имели проф-
ессию, мужчины сидели бы дома,
пили пиво и таращились в телеви-
зор.

Пожалуй, из всех детей Джека Келли именно Пегги была на него больше всего похожа, не зря он так ее обожал.

Она росла высокой, сильной, ловкой и очень спортивной. Со временем она стала прекрасной пловчихой. В отличие от брата и сестер она почти ничего не унаследовала от матери ни в плане внешности, ни в плане характера и не поддавалась ее немецкому воспитанию.

К тому же с ней у Джека Келли было связано одно из самых сентиментальных воспоминаний – как он с шестимесячной дочкой на руках гордо переступает порог своего нового большого дома. Тогда в его душе смешались гордость бизнесмена, которому удалось многого добиться, и отца, который сумел обеспечить своему ребенку достойную жизнь. Он очень часто вспоминал этот эпизод и каждый раз с нежностью смотрел на свою Пегги, которая подарила ему один из самых приятных моментов в его жизни.

Пегги была такой же, как ее отец: деловой, проницательной и в то же время острой на язык, бесшабашной и сумасбродной. Она считала себя настоящей ирландкой, поэтому правила для нее были не писаны. Но в то же время она была настоящей Келли и очень хорошо умела

подчинять себе людей – Грейс испытала это на себе и в детстве, и уже будучи взрослой, когда именно Пегги приезжала от имени семьи присматривать за ней и контролировать ее поведение.

Самой младшей среди детей была Лизанна, и она была типичной младшенькой в семье.

Ей позволяли то, за что ее сестер и брата в свое время ругали, от нее меньше всех требовали, зато больше всех баловали. Когда она родилась, даже Грейс было уже почти четыре, а уж с Пегги ее и вовсе разделяло целых восемь лет. К тому времени родители почти забросили все эксперименты с воспитанием детей (не считая их приобщения к спорту, конечно) и позволили младшей дочери расти как ей вздумается. А для того чтобы участвовать в благотворительных мероприятиях матери, она была слишком мала, так что ей и их удалось в основном избежать.

При этом, надо сказать, Лизанна не была девочкой-цветочком. По характеру она больше походила на упрямую Пегги, чем на покладистых Келла и Грейс. Она быстро росла, была физически крепкой и неохотно слушалась старших. Это очень расстраивало Грейс, которая сама была тихой послушной девочкой и всегда выполняла то, что ей приказывала Пегги, а теперь ждала того же от младшей сестры по отношению к себе.

Впрочем, если Лизанна ее не слушалась, то уж она Лизанну тем более – в будущем их детские взаимоотношения еще скажутся, и когда семье надо будет повлиять на Грейс, усилия младшей сестры окажутся бесполезными и родителям придется отправлять к ней Пегги.

В детстве я была ужасно застенчивой. Настолько застенчивой, что пыталась забиться куда-нибудь в угол, чтобы только не попадаться другим на глаза.

Грейс Келли всегда была примерным ребенком.

Ее не тяготил материнский диктат, и она с легкостью стала той самой примерной «немецкой девочкой», какую Маргарет Келли пыталась воспитать из всех своих дочерей.

Было это послушание частью истинного характера Грейс или она таким образом старалась заслужить любовь матери – трудно сказать. Скорее всего верно и то и другое. С одной стороны, она на самом деле была послушной девочкой и оставалась таковой еще много-много

лет. Даже став звездой и любимицей всего мира, она беспрекословно слушалась родителей, решавших, за кого она может выйти замуж, а за кого нет.

Но с другой стороны – Грейс с детства была очень наблюдательной, умной и несколько себе на уме. О своих отношениях с братом и сестрой она говорила: «Мы всегда соревновались между собой. Соревновались буквально за все, и особенно – за любовь». И конечно, она не могла не видеть, что Пегги – любимица отца, что Келл – его надежда и что Лизанну балуют потому, что та самая маленькая. Значит, и ей надо было найти что-нибудь, за что ее будут любить и баловать.

Возможно, будь Грейс такой же бойкой, как Пегги, она попробовала бы превзойти сестер в спортивных достижениях – родители это уважали и, несомненно, заметили бы. Но она была слишком тихой, замкнутой и отстраненной, чтобы открыто привлекать к себе внимание. Да и спорт она не очень любила, а в основном делала вид, чтобы не разочаровать родителей.

...Она (Грейс) была милым и таким прелестным ребенком, что порой мне хотелось, чтобы она никогда не становилась взрослой, – в ней всегда было нечто, отличающее ее от других. Пегги, Джон-младший и Лизэнн были экстравертами, Грейс была застенчивой и склонной к уединению.

Маргарет Келли

Для того чтобы привлечь внимание родителей, Грейс выбрала окольный путь.

Джек и Маргарет Келли и сами не заметили, как она стала для них самой слабенькой и хрупкой из их детей. Она держалась позади всех, то и дело разбивала коленки, была страшно

неуклюжей и постоянно шмыгала носом. Поэтому ее все жалели, не нагружали лишний раз, беспокоились о ней, и вскоре ей стало доставаться больше забот и лакомств, чем даже младшенькой Лизанне. На что уж Маргарет была «прусской матушкой», но и она обращалась с Грейс мягче, чем с остальными детьми, жалея своего маленького неуклюжего «гадкого утенка».

«Мне всегда хотелось оберегать Грейс, – рассказывала она впоследствии, вспоминая детские годы своей знаменитой дочери. – Наверное, она привлекала мужчин к себе тем же самым, чем и меня. Каждый мужчина, который знал ее, начиная с пятнадцати лет, хотел взять ее под крыло».

Что ж, скорее всего Маргарет была права в своей оценке. Грейс научилась быть беспомощной, чтобы ее больше любили, и ей это очень пригодилось в жизни. Да и не только это. Воспитание, полученное Грейс, и вся атмосфера, в которой она провела детские годы, научили ее многим полезным в жизни вещам.

Даже добившись успеха, в расцвете красоты Грейс обладала редким даром делать так, чтобы окружающие возились с ней. Все искренне верили, что она нуждается в помощи, хотя на самом деле это ей совершенно не было нужно. Ей вообще не требовалось никакой помощи. Просто она производила такое впечатление.

Лизанна Келли о Грейс

Грейс знала, что всегда надо производить впечатление человека, уверенного в себе, спокойного и респектабельного.

И не важно, что ты при этом чувствуешь на самом деле.

Именно так всегда выглядели ее родители, и никому из посторонних людей и в голову не пришло бы, что Джек постоянно крутит романы, а Маргарет об этом знает. Такой же будет и

Грейс – воплощенная респектабельность, благородная леди среди скандальных голливудских актрисуллек. С виду, конечно, но для репутации только это и требуется.

Постоянная борьба за внимание жесткой требовательной матери и обаятельного самоуверенного отца научила Грейс другому важному умению – быть такой, какой ее хотят видеть. Для матери она была послушной «немецкой девочкой», для отца – его хрупкой очаровательной «принцессой».

Эта ее способность подобно хамелеону подстраиваться под любое окружение и становиться такой, какой ее желают видеть именно здесь и именно сейчас, впоследствии поражала и восхищала как режиссеров, так и журналистов. Она не играла роли, она жила в них, верила в тот образ, который изображала, – не важно, на сцене, на съемочной площадке это происходило или в жизни.

Ее мастерство перевоплощения достигло небывалых высот – несмотря на ее яркую запоминающуюся внешность, люди нередко не узнавали ее при новой встрече, настолько другим человеком она могла выглядеть.

Знаменитая холодноватая отстраненность Грейс Келли тоже родом из детства.

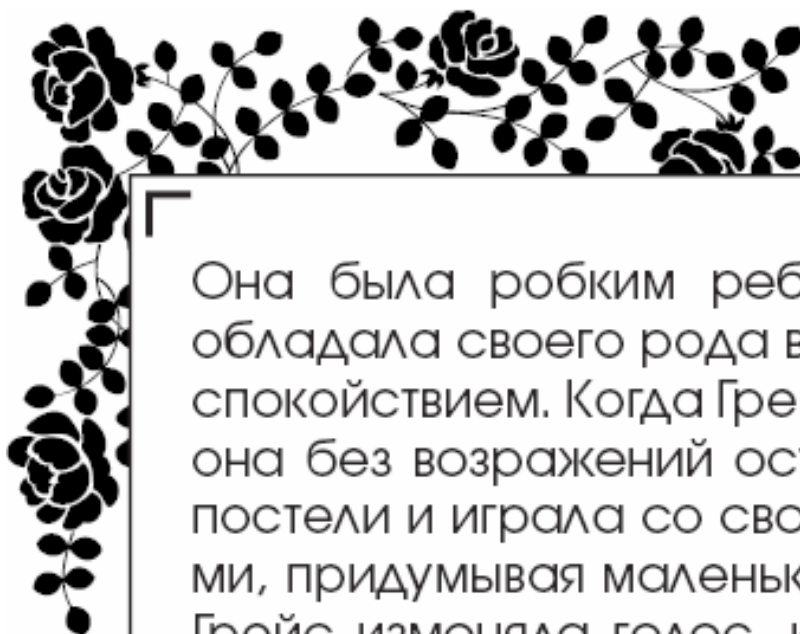
Тут сказались и чопорное материнское воспитание, и влияние дядюшки Джорджа, который всегда держался особняком и производил впечатление настоящего аристократа. Но в

основном дело в одиночестве. Будущая актриса росла в большой семье, но с детства была очень одинока, как бывают одиноки не слишком любимые дети эгоистичных родителей, к тому же сильно отличающиеся от своих братьев и сестер.

Бывшие друзья и приятели вспоминали, что она любила быть одна и самым лучшим обществом для нее были куклы. Она не только наряжала их, как другие девочки, но разыгрывала с ними целые спектакли, которые совершенно не стремилась показывать ни родным, ни друзьям. Более того, она даже разговаривала с куклами на каком-то ею самой придуманном языке, который больше никто не понимал.

Однажды своенравная Лизанна за что-то разозлилась на сестру и заперла ее в чулане, где та как раз играла со своими куклами. Спустя несколько часов кто-то заметил, что Грейс давно не видно, ее начали искать и обнаружили, что она продолжает играть с куклами, а главное – даже не заметила, что ее запирали и что несколько часов она провела в одиночестве.

Много лет спустя, когда Грейс была уже принцессой Монако, все та же неугомонная Лизанна обнаружила в ее дворце ящик... с ее детскими куклами. Теми самыми, с которыми она играла в детстве. Грейс не только сохранила их, но и привезла с собой через Атлантический океан, чтобы они были с ней в ее новом доме.

Она была робким ребенком, но обладала своего рода внутренним спокойствием. Когда Грейс болела, она без возражений оставалась в постели и играла со своими куклами, придумывая маленькие пьески. Грейс изменяла голос, когда говорила за каждую куклу, делая ее непохожей на других.

Маргарет Келли

Осенью 1934 года родители решили, что пора Грейс получать образование.

Ее отдали в Академию Успения Пресвятой Богородицы в приходе святой Бригитты – солидную католическую школу с хорошей репутацией.

Именно там развились и закрепились как лучшие, так и худшие черты характера Грейс. И это хорошо заметно уже хотя бы по тому, что сестры-монахини запомнили ее тихой, послуш-

ной и религиозной девочкой, а одноклассники – чертенком в юбке, участвовавшим во всех проказах и тайком дымившим запретной сигареткой на заднем дворе школы.

Академия Успения Пресвятой Богородицы была элитным учебным заведением, что, несомненно, тоже повлияло на решение Джека Келли отдать туда свою дочь. Там училось около сотни девочек, а присматривали за ними два десятка монахинь. Обучение было организовано на европейский манер, все учителя говорили с оксфордским или кембриджским акцентом, и девочки выходили оттуда с умением говорить и писать как настоящие леди.

Все было подчинено воспитанию дисциплины, хороших манер и благонравия. Сестры следили за тем, как девочки ходят, носят одежду, держат столовые приборы, как разговаривают друг с другом.

К тому же в монастырской школе, как это ни парадоксально, можно было узнать о мире и о людях из других стран куда больше, чем в любой другой американской школе. Католичество – религия, не знающая границ, поэтому в академии даже выходил журнал, рассказывающий о международных новостях. В то время как большая часть американцев была уверена, что надвигающаяся война их не касается, ученицы монастырской школы уже знали, что она касается каждого человека.

Я – не экстраверт, но и не отношусь к людям недоброжелательным. Мне не свойственны повышенная эмоциональность и чрезмерная общительность, но не люблю читать о себе, что я – бесчувственная и необщительная. Я не считаю себя такой.

Для большинства людей монастырская школа – это какое-то мрачное заведение казарменного типа, где в несчастных детей вбивают религиозность и послушание.

И конечно, ореол такого мученичества добавил бы образу Грейс Келли дополнительные краски. Но как бы ни были этим разочарованы любители сенсаций и драм, Академия Успения Пресвятой Богородицы не была ни казармой, ни тюрьмой. Дисциплина там была не жестче, чем

в других закрытых школах, а воспитывать монахини предпочитали молитвами и внушениями, а не розгами или карцером.

Пожалуй, в академии Грейс чувствовала себя даже комфортнее, чем дома. Сестры-монахини искренне любили своих воспитанниц. К тому же они были полностью лишены эгоизма, отличавшего Джека и Маргарет Келли. В школе Грейс наконец-то смогла почувствовать себя не чужой, а вполне нужной и любимой.

Она приходила в восторг от красивых церемоний и от того, с какими просветленными лицами монахини их совершали. Их искренность и вера сильно контрастировали с обстановкой лицемерия, к которой она привыкла в родном доме. Академия осталась в ее памяти как чудесный и невинный мир, где она играла в прятки, ела вкусные пирожки и чувствовала себя счастливой.

Отец забрал ее оттуда после восьмого класса, поскольку считал, что в школе недостаточно хорошо преподают физкультуру. Но Грейс никогда не теряла связи с монахинями – она писала им письма, поздравляла с Рождеством, просила совета, причем не только пока была подростком, но и потом, став взрослой самостоятельной женщиной.

Когда жарко и солнечно, я впадаю в уныние. У меня возникает ощущение усталости. Ничего не хочется делать. Обычно я сижу дома до захода солнца. Гуляю я только в вечернее время.

Училась Грейс довольно средне.

Способности к наукам у нее были довольно скромные, но мать Доротея вспоминала о ней с одобрением, как о вежливой, любознательной и со всех сторон положительной девочке.

Можно сказать, что результат обучения в академии был для Грейс Келли скорее воспитательный, чем образовательный. Знания не особо задерживались в ее голове, а вот хорошие манеры, привитые монахинями, остались навсегда. Плюс к тому из школы она вышла с твердой

уверенностью в правильности католицизма. Родители у нее не были особо религиозными, особенно, конечно, мать, бывшая протестантка. Отец тоже был скорее формальным католиком, чем искренне верующим (что не мешало ему ревностно соблюдать обряды и требовать того же от всех членов семьи). Для Грейс же двойственность католицизма, позволявшего сколько угодно грешить, если после этого искренне раскаешься, оказалась поистине близка. Это была ее религия, ее мировоззрение, которое могло успокоить разгоравшийся в ее душе конфликт между желанием жить, как ей нравится, и не менее сильным желанием угодить людям, которые ей дороги.

Монахини вспоминали, как пылко она исповедовалась в типичных детских грешках непослушания и мелкой лжи. А одноклассницы – как она с удовольствием проказничала, хихикала во время благословения, втихую курила за школой. Причем и там, и там она была совершенно искренней, такой уж двойственный был у нее характер.

Она обращалась к старшим предельно вежливо, словно была лично заинтересована в истине, а вовсе не для того, чтобы поймать кого-то на неточности. Она всегда была настроена весьма доброжелательно.

Мать Доротея о Грейс Келли

Фантазировать Грейс любила с детства.

Ее сестры вспоминали, что, еще будучи маленькой, она любила рассматривать журналы, выбирала самые красивые картинки и говорила, что вот так будет выглядеть ее дом, вот так –

ее муж, вот так – ее дети, ее яхта, ее свадебное платье и т. д. Тогда они посмеивались над ее фантазиями, но Грейс это мало заботило, она уходила в выдуманный мир и была там счастлива, что бы об этом ни думали окружающие.

Зимой 1940–1941 года она побывала на представлении русского балета и пришла в восторг – это было что-то волшебное и сказочное, словно ожившая фантазия. Грейс впервые поняла, что фантазии, которые крутятся где-то в голове, но которые невозможно реализовать на практике, можно выразить другим способом – через искусство. Она тут же занялась танцами и брала уроки до тех пор, пока к ее огромному разочарованию ей не объяснили, что балерины из нее не получится, потому что она слишком высокого роста. Пришлось переключиться на балльные танцы, хотя Грейс понимала – это уже не совсем то, что ей нужно.

Однако недолгие занятия балетом помогли ей серьезнее взглянуть на другое, более раннее увлечение. В Академии Успения Пресвятой Богородицы были очень популярны традиционные католические представления, разыгрываемые по различным праздникам. Грейс всегда участвовала в них с большим удовольствием, играла сначала ангелочков и пастушков, а со временем поднялась до главных ролей, в том числе и до самой престижной – Девы Марии.

Грейс верила в сказки так же, как и каждая девочка, и мечтала подрасти и встретить своего Принца Очарование. Он нашел ее, и она не могла поверить своему счастью.

*Арлен Даль, актриса,
подруга Грейс Келли*

Грейс очень нравилось чувствовать себя на сцене другим человеком.

Там она больше не была неуклюжей, застенчивой и не слишком популярной девочкой, а почти на самом деле ощущала себя тем героем, которого изображала. Но в школе развернуться было особо негде, и Грейс обратила взор на небольшую любительскую труппу «Лицедее старой школы».

Это был период массового увлечения театром, и подобных трупп в Филадельфии было довольно много. В их состав входили в основном энтузиасты, организовывавшие спектакли на собственные средства и ради собственного удовольствия, поэтому Джек Келли не увидел

ничего страшного в том, что его дочь тоже хочет в этом участвовать. Тем более что в труппу входили в основном жители района Ист-Фоллз, то есть соседи семьи Келли.

Так что в 1941-м Грейс Келли дебютировала на сцене старой школы, приспособленной самодеятельной труппой под любительский театр, в спектакле «Не корми зверей». Ей было двенадцать лет, но, по воспоминаниям членов труппы, она сразу поразила их своим профессионализмом, трудолюбием и пунктуальностью.

К четырнадцати годам Грейс была уже звездой этого маленького театра и ведущей актрисой труппы. Она играла Питера Пэна, Катарину в «Укрощении строптивой», ставила танцевальные номера. Ей прочили большую сценическую карьеру, и не только участники труппы «Лицедеи старой школы». К тому времени Грейс перевели в другую школу, и новые одноклассники, делая шуточные предсказания будущим выпускникам, написали в ее дневнике: «Будущая звезда радио и кино».

Когда Грейс было почти четырнадцать, отец перевел ее в старую и уважаемую частную школу для девочек из высшего общества – Стивенс Скул в Джермантауне.

По тамошней легенде, ее основательница потеряла жениха в войне между Севером и Югом, упала без чувств с лестницы, стала инвалидом и всю оставшуюся жизнь посвятила воспитанию благородных девиц. В школе сохранилась даже та самая лестница, которую показывали гостям, рассказывая эту историю.

В этой школе учили тоже больше не знаниям, а хорошим манерам, только теперь уже с упором на то, что выпускницы со временем выйдут замуж за представителей аристократии и будут руководить большим домом. Их обучали тонкостям этикета и изящным манерам, ну а арифметика и прочие науки... в школе полагали, что настоящей леди они не слишком нужны, и глубоких знаний с девушек не требовали.

Грейс в то время мало напоминала блистательную принцессу Монако и звезду кино-экрана, которой ей предстояло стать. Маргарет Келли говорила, что в то время ее дочь была классическим «гадким утенком».

По воспоминаниям знакомых, она любила сладости, поэтому была довольно толстенькой, быстро вытянулась в длину и из-за этого стала очень неуклюжей, а вот грудь у нее никак не росла. Одноклассницы рассказывали, что она страшно комплексовала и то и дело массировала грудь, надеясь, что это поможет ей быстрее расти.

Был такой период между четырнадцатью и шестнадцатью годами, когда внешне она ровно ничего из себя не представляла: вечно хихикающая девчонка с писклявым, слегка гнусавым голоском. У нее всегда были проблемы с носом. От этого ее голос звучал как-то по-особенному. А так как она любила покушать, то это не преминуло сказаться на ее весе. Кроме того, Грейс страдала близорукостью и вынуждена была носить очки.

Маргарет Келли

Но время шло, и «гадкий утенок» на глазах у всех постепенно превращался в прекрасного лебедя.

К шестнадцати годам Грейс повзрослела достаточно, чтобы избавиться от подростковой неуклюжести, похудеть и обзавестись весьма привлекательными формами. Все остальное довершила наследственность.

Все дети Джона и Маргарет получили от родителей крепкое здоровье и правильные черты лица. Благодаря этому у них была отличная кожа, ровные крепкие зубы, стройные фигуры и красивые скульптурные лица. Любой из них с легкостью мог бы позировать для пропагандистских плакатов, являя собой пример идеального гражданина, строящего для своей страны светлое будущее.

Но безусловно, Грейс выделялась даже на фоне собственных братьев и сестер. У нее была прекрасная фигура и нежная, словно светящаяся изнутри, кожа. Кроме правильности черт ей досталась еще утонченность, которой не хватало остальным членам ее семьи. Благодаря этому

она выглядела не просто как крепкая здоровая американская девушка (что можно было сказать о ее сестрах), а как настоящая аристократка. Не зря всю последующую жизнь вокруг нее то и дело возникали легенды об ее знатных предках. Единственное, что выдавало ее неаристократическое происхождение, – это крупные руки, доставшиеся ей от многих поколений простых тружеников, зарабатывавших на жизнь тяжелым физическим трудом.

Привлекательности Грейс добавляла и ее великолепная осанка – тут помогли занятия танцами и уверенная манера держаться, которую она приобрела на сцене.

Г
Я была такая неприметная, что
меня приходилось снова и снова
представлять одним и тем же лю-
дям, прежде чем меня наконец на-
чинали узнавать. Я не производила
ровно никакого впечатления.
Л

Перейдя в новую школу, Грейс быстро научилась использовать все ресурсы, какие у нее были благодаря деньгам семьи Келли, чтобы привлекать к себе внимание.

«Она была из немногих девушек, у которых были собственные машины, – вспоминала ее школьная подруга Джейн. – С откидным верхом. У Грейс был, если не ошибаюсь, «Плимут» голубого цвета, который носился, аж дух захватывало. Каждый день мы ездили на хоккейные тренировки...» Судя по рассказам Джейн и других одноклассников, Грейс обожала быструю езду и обычно мчалась так, что подруги едва не визжали от страха. И эта привычка осталась у нее до конца жизни...

Грейс любила веселые шумные компании, всегда рада была развлечься, посмеяться, потанцевать. Обычно они с подругами по субботам собирались в баре, где пили молочные коктейли – что-то более крепкое им было еще не по возрасту, а закон нарушать они не стремились. После бара они шли в кинотеатр, где Грейс, как вспоминали ее приятели, всегда готова была всплакнуть над сентиментальной сценой. Ее любимым актером был Алан Лэдд, звезда фильмов-нуар, а любимой актрисой – Ингрид Бергман, холодная и прекрасная «главная девственница Голливуда», с которой через какие-то несколько лет критики будут сравнивать восходящую звезду Грейс Келли...

Естественно, как только Грейс стала взрослеть и превращаться из неуклюжей толстушки в стройную красавицу, она сразу начала нравиться мальчикам.

А веселый нрав, бесшабашность и, конечно, машина с откидным верхом делали ее еще более привлекательной в их глазах. К шестнадцати годам у нее уже отбоя не было от кавалеров.

Первым ее серьезным увлечением стал Чарльз Харпер Дэвис, учившийся в элитной школе «Пенн Чартер Скул» в одном классе с ее братом Келлом. Отец Харпера Дэвиса был местным дилером фирмы «Бьюик», так что более подходящего парня вроде бы и найти было нельзя. Яркий, популярный, богатый – он был мечтой любой местной девушки и отличной кандидатурой в женихи... но не для дочери Джека Келли. Он всегда строго контролировал все романы своих дочерей, и даже для своей любимицы Пегги не сделал исключения, когда она начала встречаться с неподходящим, по его мнению, молодым человеком. Что уж говорить о Грейс!

Джек Келли терпеть не мог отца Харпера Дэвиса и к тому же не желал отдавать дочь за протестанта, а он прекрасно видел, что этот роман того и гляди завершится свадьбой. В 1944 году Харпер Дэвис окончил школу и собрался на войну, поэтому они с Грейс вполне могли пожениться, никого не спрашивая. Поэтому Джек Келли решил, что пора положить конец этому роману, и потребовал, чтобы они расстались.

Грейс, конечно, расстроилась, но Джульетты из нее не получилось – возражать отцу она ни за что бы не решилась. Поэтому, когда Харпер Дэвис явился в следующий раз, он получил недвусмысленную отставку.

...Отношения между родителями и детьми стали более либеральными, более открытыми и свободными в наши дни. Один из позитивных факторов этого я вижу в том, что люди могут более открыто говорить о вещах, которые обычно старательно скрывались в прошлом. Процесс взросления никогда не был легким, не так ли?

Расставание с первой любовью далось Грейс нелегко, и после отъезда бывшего возлюбленного она, как говорится, «пустилась во все тяжкие»

Она больше не стала заводить себе постоянного кавалера и строить с ним какие-то совместные планы на будущее. Теперь ее ухажеры менялись едва ли не каждую неделю, не оставляя больше шрамов в ее душе. Тем более что ее отца это вполне устраивало. «Ты можешь назначать ей свидания, сколько твоей душе угодно, – прямо заявил Джек Келли одному из поклонников дочери, показавшемуся ему излишне рьяным. – Но не думай при этом, что ты на ней женишься». Судьбу своих отпрысков он собирался устроить сам, ну а пока не мешал им развлекаться. Лишь бы не шли против его воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.